Комментарий
29 июля 2024

От Европы до Палестины: Китай размывает американское доминирование

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Заметный международный резонанс вызвала недавняя договоренность палестинских политических движений, достигнутая в Пекине. По поводу реалистичности в полной мере воплотить эту договоренность в жизнь много вопросов. Но ее главное геополитическое значение в том, что Китай постепенно заходит в традиционные зоны влияния США. Это изменяет многие региональные расклады и создает для местных акторов возможности диверсифицировать внешнюю политику. Активность Пекина на палестинском направлении – это лишь один из примеров происходящих изменений.

Содержание

1 Пекинская декларация
2 Не Палестиной единой
3 Расклад сил и их восприятие

21-23 июля представители основных политических движений Палестины находились в Пекине, где проводили при посредничестве китайских дипломатов переговоры об укреплении палестинского единства. По итогам переговоров лидеры двух основных конкурирующих групп, ХАМАС и ФАТХ, подписали соглашение о прекращении многолетнего раскола, которое в том числе призвано сохранить палестинское правление в секторе Газа после завершения там боевых действий. Также они и члены еще 12 палестинских движений встретились с министром иностранных дел Китая Ван И.

Пекинская декларация

Достигнутые договоренности предусматривают формирование временного правительства палестинского единства для управления Западным берегом, Иерусалимом и сектором Газа. Также на фоне декларации политического единства должны быть организованы свободные выборы в Национальный совет. Китайские СМИ тут же провозгласили пекинскую декларацию большим прорывом. По словам главы МИД КНР, она ознаменовала «исторический момент для дела освобождения Палестины».

При этом многие аналитики подчеркивают, что пока рано говорить о реальном успехе посреднических усилий Пекина. В том смысле, что одни лишь декларации и даже скрепленные подписями договоренности совершенно не гарантируют успех в их имплементации. После того, как в 2007 году ХАМАС фактически изгнал ФАТХ из сектора Газа, предпринималась не одна попытка восстановить палестинское политическое единство, но результата они не дали. Кроме того, Израиль не просто не поддерживает пекинскую декларацию, а выступает категорически против некоторых ее положений. Да и в целом Израиль не заинтересован в снижении роли США на Ближнем Востоке и, следовательно, будет противиться не только содержательным положениям декларации, но и росту китайского влияния. Поэтому в итоге за громкими декларациями практические результаты на земле действительно могут не последовать. Можно даже предположить, что в полном объеме эти договоренности точно не будут воплощены в жизнь. А может быть и вовсе рассыпятся под тяжестью жестких реалий.

Если анализировать произошедшее лишь только с точки зрения внутрипалестинских процессов, на этом пока можно было бы поставить точку. Но у этой темы есть очевидный более широкий международный контекст. Западная дипломатия в предыдущие десятилетия тоже лишь в редких случаях могла похвастаться действительно значимыми успехами в урегулировании бесконечных проблем Ближнего Востока. В том числе не смогла она выработать решений для направления палестинских внутриполитических векторов в конструктивное русло и полноценной нормализации между Палестиной и Израилем.

> Тем не менее долгие годы США оставались, по сути, единственным внешним актором, на которого все конфликтующие в регионе стороны оглядывались, смотрели с надеждой. Чью высшую силу и международное влияние признавали, потому что альтернатив им просто не было.

Сейчас эти сила и влияние размываются, появляются зачатки китайской альтернативы, на что и направлены усилия Пекина. Притом на обозримую перспективу сам Китай вряд ли ставит цель заметно превзойти влияние США на Ближнем Востоке. Такая цель просто нереалистична. Поэтому, вероятно, китайские власти стремятся хотя бы относительно уравновесить американские политические возможности в регионе. В будущем это может позволить на равных основаниях с Вашингтоном участвовать в управлении ближневосточными процессами. То есть в контексте конкретного стратегически важного региона реализовывать на практике идею многополярного мира.

Не Палестиной единой

В этой же логике Пекин действует во многих других региональных кейсах. Например, в марте 2023 года китайские дипломаты сенсационно помогли разрубить еще один гордиев узел на Ближнем Востоке: при их посредничестве вечные антагонисты Иран и Саудовская Аравия восстановили прерванные в 2016 году дипломатические отношения. Кроме того, они вернулись к заключенным два десятилетия назад экономическим соглашениям. Нельзя сказать, что это коренным образом перевернуло ближневосточные расклады, но некоторые новые краски туда внесло. В частности, все увидели, что сложные переговоры между ключевыми региональными соперниками могут успешно проходить и без участия Вашингтона. Последнему ничего не оставалось, кроме как без энтузиазма констатировать, что китайские инициативы, способствующие стабильности на Ближнем Востоке, играют позитивную роль.

Что-то похожее, хотя с иными хитросплетениями и стилистикой, можно наблюдать в Восточной Европе. Сегодня общим местом становится констатация, что без активного китайского участия будет невозможно остановить боевые действия в Украине и найти рецепт для устойчивой деэскалации между Москвой и Киевом.

> Эта констатация вполне может быть ошибочной. Однако важен сам ее факт, с которым китайская дипломатия продолжит работать, чтобы дальше наращивать свое влияние за тысячи километров от собственных границ.

Здесь Пекин будет использовать весь арсенал инструментов: дипломатических, экономических, инфраструктурных и даже социальных. Кроме того, Китай не прочь расширить связанное с ним институциональное присутствие в Восточной Европе, примером чего служит вступление Беларуси в Шанхайскую организацию сотрудничества. Недавние учения вблизи границы с Польшей белорусско-китайского спецназа указывают и на готовность КНР осторожно использовать элементы военного сотрудничества для повышения своей глобальной значимости.

На протяжении предыдущего десятилетия менее стремительно, но более масштабно и планомерно КНР воплощала такую же линию в Африке. И сегодня фактор Китая во многих частях африканского континента стал доминирующим. С ним вынуждены считаться и местные игроки, и крупные иностранные державы.

Расклад сил и их восприятие

Наблюдая за происходящим, легко заметить, как растут возможности и амбиции самого Пекина. Вернемся, например, к украинскому кейсу и звучащему из различных уголков планеты выводу, что без Пекина боевые действия на востоке Европы не остановить, конфликт не сдвинуть в сторону мира. Вместе со свежими новостями о китайском посредничестве на Ближнем Востоке у многих начинает складываться впечатление, что участия Вашингтона для разрешения сложных международных проблем уже недостаточно и что голос Китая становится решающим во все новых конфликтных сюжетах. При этом совсем необязательно, что в действительности расклады именно такие.

Например, на ближневосточном театре у КНР пока и близко нет тех политико-силовых возможностей, какими обладают США. Но в международных отношениях (да и в политике в целом) замерить реальный расклад сил зачастую просто невозможно. По крайней мере, пока то или иное противостояние не набирает серьезные обороты и не приобретает характер жесткого политического или военного столкновения. А до того объективно существующая материальная реальность как бы «фильтруется» через ее восприятие различными акторами. И

именно восприятие становится центральной категорией, которая предопределяет расчеты и конкретные решения государств. Вот здесь мы и можем наблюдать стремительные геополитические изменения в пользу Китая.

В этом отношении очень показателен состоявшийся 23-25 июля визит в Гуанчжоу министра иностранных дел Украины Дмитрия Кулебы. Это первый визит в Китай высокопоставленного представителя украинского правительства с февраля 2022 года. Он проходил под тем же лейтмотивом: без Пекина найти ключ к долгосрочному завершению боевых действий не получится. Интересно, что первый импульс в сторону активного диалога с Пекином по этой теме в Киеве был в начале 2023 года. Тогда Китай опубликовал позиционный документ с 12 пунктами для политического урегулирования украинского кризиса и назначил спецпосланника для работы со всеми заинтересованными сторонами. Однако, по непубличным свидетельствам близких к Офису президента Зеленского советников, из Вашингтона ясно дали понять, что относились к перспективам интенсивного диалога по линии Киев-Пекин без понимания. Сейчас же ситуация на поле боя и в мировой дипломатии складывается так, что американцы уже не препятствуют попыткам Украины полноценно разговаривать с Китаем.

> При этом понятно, что Китай не может обеспечить какое-то чудо, которое вдруг приведет к быстрому разрешению конфликта. Но Пекин становится такой геополитической и геостратегической величиной, на которую в тупиковых конфликтах смотрят как на последнюю надежду. И это само собой усиливает и возможности, и аппетиты КНР.

Тем более, что растущие ожидания в отношении Пекина много где базируются не только на восприятии его экономических и военно-политических возможностей, но и на серьезном нормативном фундаменте. Китай удачно позиционирует себя на многие незападные аудитории как более понимающую и справедливую супердержаву, способную объединять вокруг взаимовыгодных предложений, а не навязывать односторонние решения. Это очень выгодный контраст с тем, как в некоторых частях планеты воспринимают США и весь западный мир.

Правда, речь не идет о повсеместном росте такого рода «мягкой силы» КНР в сравнении с США. Многие страны, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, именно в Китае видят первостепенную стратегическую угрозу своей безопасности

и поэтому не замечают в его политике устремлений к справедливости и пониманию. Но это никак не отменяет сказанного выше. И в контексте конкретных конфликтных кейсов важно это помнить.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»